

Судьба архива князя Куракина.

Судьба бумаг князя Александра Борисовича Куракина, составляющая большую часть огромного фамильного княжеского архива, складывалась непросто, но в результате счастливо. Почти весь княжеский архив, расколотый после смерти князя на несколько больших частей, был к концу XIX столетия воссоединен и ныне сохраняется в Москве в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея; лишь небольшие его фрагменты находятся в других архивохранилищах 1 .

Архив князей Куракиных в ОПИ ГИМ представляет собой большой комплекс документов, насчитывающий около 3500 единиц хранения, причем по преимуществу это большие томы, сформированные еще в XVIII — XIX веках и не подвергавшиеся архивной обработке. По своему значению и объему этот массив исторических документов может быть сопоставим разве что с архивами князей Голицыных (РГА-ДА, ф. 1263) или графов и князей Воронцовых (СпбФИРИ, ф. 36 и РГАДА, ф. 1261).

Однако архив Куракиных известен намного меньше, нежели два последних. Это обстоятельство связано с его судьбой, излагаемой далее.

Князь Александр Борисович Куракин на протяжении всей жизни крайне бережно относился к своим бумагам и переписке. Его бумаги, в том виде, в каком мы имеем возможность их видеть, есть превосходный образец личного архива вельможи и государственного деятеля века

Просвещения. Его переписка сохраняется в красных сафьянных тисненых переплетах, разделенная князем по годам и лицам. Переплетал князь письма почти сразу — в том же году, разбивая иногда по месяцам, поскольку со временем уже невозможно было переплести все в один том. Некоторые бумаги, пришедшие позже, либо отправленные кому-то для переписывания, затем переплетались, что называется, вдогонку — по достижении этими «забытыми» бумагами необходимого для переплета объема. Еще Петр Иванович Бартенев, близко знакомый с княже-куракинским архивом, отмечал смекалку князя, который специальным образом перевязывал и затем опечатывал стопы своих бумаг, при котором их можно было переплесть, но нельзя было прочитать. При этом часть переписки князь постоянно возил с собой. Также несомненно, что именно князь привел в порядок и переплел переписку своего прадеда князя Б. И. Куракина.

Удивительно, но князь сберегал и те письма, которые отправители настоятельно просили не сохранять, «по прочтении разодрать» и т. п., причем часть писем были небезопасными для самого князя. К слову, его прадед из-за подобного страха был вынужден некогда уничтожить всю переписку свою с племянником царевичем Алексеем Петровичем; впрочем, и времена были другие.

Единственной публикацией писем князя при его жизни была опубликованная в 1812 году в 190 номере парижского Le Moniteur Universel часть его переписки с французским министром иностранных дел герцогом Бассано, но сделано это было по инициативе французской стороны.

Вопрос о судьбе эпистолярии Куракина сделался государственным немедленно по смерти фондообразователя, последовавшей 24 июня 1818 года в Веймаре. В сентябре князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, бывший тогда министром юстиции, писал по поручению императрицы Марии Феодоровны князю Алексею Борисовичу, призывая его принять меры, чтобы переписка его покойного брата с царственными особами не разошлась по рукам. О том же 13 ноября 1818 года писала к нему из Майнца сама вдовствующая императрица. Князь Алексей Борисович отвечал, что на бумаги его брата в Веймаре были наложены печати, которые останутся нетронутыми до момента достав-

ления бумаг в Петербург. Царственная корреспонденция тогда немногим позже была привезена из Веймара сыном князя Александра Борисовича бароном Александром Николаевичем Сердобиным, после чего князь Борис Алексеевич Куракин, племянник и наследник нашего князя, поднес ее императрице Марии Феодоровне.

Вышеописанными обстоятельствами и объясняется то, что письма Павла Петровича и Марии Феодоровны сохранились среди бумаг князя лишь случайно, по большей части в отпусках, а основной их корпус был передан императрице. Вместе с этими письмами Марии Феодоровне были переданы почти все письма фрейлины Нелидовой, Александра I и великого князя Николая Павловича.

Но основное ядро архива сохранялось, и постепенно к бумагам нашего князя добавились бумаги племянника — князя Бориса Алексеевича, унаследовавшего большую часть архива дяди. Значительная часть документов осталась у барона А. Н. Сердобина. В 1857 году в Надеждино из принадлежавшего князьям Куракиным села Степановского Тверской губернии была перевезена часть княжеских бумаг (числом 268 в кожаных переплетах и десять в тетрадях)². Таким образом, основной корпус бумаг княжеского архива, так же как и замечательная библиотека (насчитывавшая до десяти тысяч томов), сохранялся в Надеждине Сердобского уезда Саратовской губернии.

Новый интерес к архиву возник через почти двадцать лет, когда на фоне общего увлечения памятниками отечественной истории и дворянских родов, сходное чувство обуяло потомка князя Александра Борисовича — князя Федора Алексеевича Куракина.

Князь Федор Алексеевич Куракин запомнился современникам по преимуществу бесшабашной жизнью и гомерическим пьянством в компании офицеров Кавалергардского полка, в котором он служил. Досуг его скрашивала происходившая из казачек София Владимировна Мокиевская, имевшая ко времени знакомства с князем незаконнорожденного сына.

Как-то днем князь Федор Алексеевич, будучи в сильном подпитии, разделся чуть не догола, сел в карету и поехал на Дворцовую набережную. Поскольку было как раз время великосветских прогулок, то он около каждой придворной дамы останавливал карету, отворял дверцу и делал реверанс. После этого случая Александр III выслал князя в ставшее традиционным для ссылки князей Куракиных от двора Надеждино.

София Владимировна последовала за ним и принудила князя обвенчаться с нею. Когда же известие о свадьбе сделалось достоянием княжеских родственников, они прекратили с новобрачными всякое общение. Затем новоявленная княгиня решила узаконить троих их дочерей (одна была рождена после свадьбы, две до этого), чего и добилась, правда, им полагалась фамилия без титула.

Со временем князь поостыл, и в Надеждине ему сделалось грустно. Унаследованная им тяга к придворной жизни и вообще к деятельности, долго терзавшая его, наконец нашла себе применение: еще в 1870 году вышла из печати первая книга сорокатомного Архива князя Воронцова, подготовленная к печати П. И. Бартеневым; это монументальное издание увековечило и без того славную русскую фамилию. Тогда и задумал князь Ф. А. Куракин восстановить былое уважение к себе и своим предкам. С этой целью князь предложил опубликование куракинских бумаг тому же П. И. Бартеневу, который приезжал в Надеждино и в 1876 году издал в Русском Архиве 97 писем Н. Н. Бантыш-Каменского к князю А. Б. Куракину за 1791—1795 годы. На этом помощь Бартенева прекратилась, поскольку он был погружен в издание Архива князя Воронцова, да и сам князь не мог внятно сформулировать свои планы и предложения.

Но во второй половине 1880-х годов князь Федор Алексеевич, полный энтузиазма, начал подробно изучать собственный архив, а также стал посещать заседания Саратовской ученой архивной комиссии, действительным членом которой он и был избран 7 декабря 1887 года. В деле изучения архива князю Федору Алексеевичу помогала его супруга, изучавшая томы княжеской переписки и нумеровавшая постранично некоторые из них. Ныне на таких стоит ее запись черными чернилами: «Том сей занумерован властною рукою Ея Сиятельства Княгини Софии Владимировны Куракиной». Она также через полгода, 6 июня 1888, была избрана действительным членом комиссии.

Как раз летом этого 1888 года князь Ф. А. Куракин пригласил посетить Надеждино тайного советника и редактора-издателя Русской

старины Михаила Ивановича Семевского, традиционно совершавшего свои поездки по России. Побывав в июле в Надеждине, Семевский писал князю: «...Первый раз в жизни моей мне довелось встретить в одном и том же доме удовлетворение моей страсти к отечественной истории,— как богатый исторический архив — дает обильную пищу для удовлетворения этой склонности и, в тоже время,— семейство, в котором отдыхаешь душою,— чувствуешь себя бодрым, веселым, добрым и молодеешь. Спасибо вам, добрые обитатели и обитательницы Надеждина, за милые дни под сенью Вашего дома проведенные».³

Семевского в Надеждине встречал князь, а также человек, которому мы по сути обязаны изданием архива — саратовский дворянин, известный деятель Саратовской ученой архивной комиссии Владимир Николаевич Смольянинов. По дороге обратно Семевский писал: «... Нет сомненья, что самая задача составленья издания «Архив князя Куракина», — при вашем и В. Н. Смольянинова участии, не раз привлечет меня в с. Надеждино и даже не далее как весною будущаго года...» 4

В результате этой поездки Семевского в Надеждино была достигнута договоренность об издании Архива. Выход первого тома, по замыслам М. И. Семевского, планировался не позднее января 1889 года, но, как обычно бывает, все затянулось, особенно это понятно, если учитывать удаленность Надеждина.

30 августа 1889 года князь Ф. А. Куракин послал Семевскому официальное предложение: «Намереваясь издать в свет архив моего рода, прошу Вас принять на себя главную редакцию означенного издания на нижеследующих условиях:

- 1. В первый том издания вы возьмете на себя труд поместить наиболее интересные материалы из моего архива, равно как и письма императора Петра I-го к предку моему князю Борис Ивановичу Куракину.
- 2. На издание первого тома я обязуюсь выдать авансом не более двух тысяч рублей, включая в эту сумму и расход на переписку, находящуюся под заведыванием В. Н. Смольянинова.
- 3. Весь доход от распродажи Iro тома предоставляю в Ваше распоряжение для обработки и печатания второго тома и так далее, не пользуясь лично доходами с издания.

4. Заведывание архивом моим, состоящим из семисот пятидесяти рукописных томов, равно как выборку материалов и переписку оных с Вашего согласия и по Вашему указанию предоставляю дворянину Владимиру Николаевичу Смольянинову с тем однако, что пользоваться матерьялом и брать рукописи на дом он может лишь с моего позволения и по мгновении в них надобности обязан возвращать мне их обратно». 5

Об этом предложении князя М. И. Семевский писал В. Н. Смольянинову: «Вышеозначенное предложение уважаемого князя Ф. А. Куракина я принимаю с полною готовностью трудом и заботами моими содействовать к осуществлению его намерения послужить издателем «Архива Князя Куракина» интересам истории добраго нашего Отечества и к сохранению на ее скрижалях памяти достойных подвижников славы и величия России ».

Для работы над первым томом — в части писем Петра I — был привлечен А. Ф. Бычков, который согласился «весь том подлинных писем Петра Великого к князю Борису Ивановичу Куракину заботливо дешифровать». Документы в издании были расположены в хронологическом порядке; в первых четырех томах публиковались родословные материалы и бумаги князя Б. И. Куракина, а с пятого тома начали печататься и бумаги нашего князя А. Б. Куракина.

Первый том Архива князя Ф. А. Куракина вышел в 1890 году в Петербурге. Редактором его был М. И. Семевский. В ноябре месяце он вышел из типографии. Часть тиража первого тома, как и всех остальных томов, была отпечатана на особой бумаге и переплетена в особые переплеты. Тогда же, в десятых числах ноября, М. И. Семевский через Елисавету Алексеевну Нарышкину передал подносные экземпляры их императорским величествам государю и государыне. Тираж первого и последующих томов Архива составлял около 600 экземпляров (тираж из-за разного числа экземпляров на веленевой бумаге постоянно варьировался). На корешке томов Архива было напечатано: «Князь Ф. А. Куракин. Архив села Надеждина».

Семевский редактировал и второй том, изданный там же в 1891 году. 9 марта 1892 года, когда третий том был уже сверстан, Михаил Иванович, которому едва исполнилось 55 лет, скончался. Стоит ска-

зать, что современники ставили ему издание Архива в особую заслугу, говоря что этим он «оказал русской исторической науке неоценимую услугу»⁷. А сами вышедшие под его редакцией тома Архива подтвердили мнение Семевского, что «положительно все документы, составляющие его, имеют огромное значение для науки»⁸.

Со времени ухода из жизни М. И. Семевского все труды по подготовке издания окончательно легли на В. И. Смольянинова, по какому поводу и был 11 апреля 1792 года заключен договор между ним и князем на издание Архива. Отметим, что за время издания Архива, Смольянинов быстро взбирался по служебной лестнице — в начале был директором Александровского Саратовского дворянского пансиона, затем директором Астраханской гимназии, а после этого директором московской Десятой гимназии.

Третий том был издан в Петербурге в 1892 году, и на титульном листе его были помещены фамилии двух редакторов. А с четвертого по десятый том Смольянинов был единоличным редактором сборника. Однако требовался опытный историк для написания примечаний, тогдато и было сделано предложение П. И. Бартеневу, который получал за каждый откомментированный том по триста рублей.

Тома с четвертого по восьмой издавались в Саратове в 1893, 1894, 1896, 1898 и 1899 годах. После издания пятого тома было решено попытаться продать вышедшие тома Архива за границу, для чего в Саратове в 1894 году тиражом в 4800 экземпляров был отпечатан 14-страничный проспект издания на французском языке. Девятый том вышел в 1901 году в Астрахани, где тогда служил В. Н. Смольянинов, а десятый — в 1902 году в Москве, куда он же сумел к тому времени переехать.

Уже во время подготовки девятого тома князь Ф. А. Куракин понял, что это издание, уже начинавшее его отягощать, может продолжаться вечно, тем более что до наиболее интересных по времени бумаг — касающихся павловского времени — было еще очень далеко. И в результате десятый том оказался последним томом Архива князя Ф. А. Куракина, который вместил в общей сложности 2094 документа с 1661 по 1779 годы. Хронологическими рубежами эпистолярии стали 1714 год для князя Бориса Ивановича и 1778 для князя Александра

Борисовича. Соответственно, большая часть переписки нашего князя туда не вошла.

Не совсем понятно, почему все-таки князь Федор Алексеевич прекратил печатать Архив, но, судя по всему, он просто остыл. Когда-то, начиная издавать Архив князя Воронцова, светлейший князь Семен Михайлович Воронцов сказал П. И. Бартеневу: «Если бы даже дела мои расстроились, то я скорее соглашусь ездить во втором классе по железной дороге, чем прекратить издание моего Архива». Князь Ф. А. Куракин оказался менее принципиальным, да и то, что сборник был назван не просто Архив князя Куракина, а именно Архив князя Ф. А. Куракина, говорит в пользу тщеславия издателя. А издатель к тому времени уже пожал плоды своей деятельности — в 1891 году он был избран почетным членом Археологического института и пользовался известностью не только по проделкам молодости.

В десятом томе объявлялось, что «владелец архива заканчивает издание в свет бумаг своих в хронологическом порядке». Для того, чтобы печатать только самые интересные документы было решено издавать два сборника — «XVIII век» и «XIX век». Поскольку эти заглавия ранее уже использовались П. И. Бартеневым, то Смольянинов поделился с ним своими идеями. 7 февраля 1902 года издатель Русского Архива дал разрешение использовать эти заглавия для издания куракинских бумаг.

29 апреля 1902 года князь заключил с В. Н. Смольяниновым новый договор на издание вышеуказанных сборников⁹. Причем в девятом пункте было указано, чтобы выходил не более одного тома в год. Бартенев по-прежнему должен был дополнять их комментариями.

Из запланированных пяти томов (трех — Восемнадцатого века и двух Девятнадцатого) вышли лишь три тома. Первый том Восемнадцатого века составили письма князя Алексея Борисовича Куракина к брату — нашему князю Куракину (М, 1904), а второй том — сборник «Княже-Куракинские церкви» (М, 1905, вышел в конце 1904 года). Первый том Девятнадцатого века включил в себя дневник княгини Н. И. Куракиной за 1816—1830 гг. и некоторые другие материалы (М, 1903).

Издание этих сборников оказалось невыгодным, и князь, к тому времени решивший продать Надеждино, прекратил и их издание. После этого В. Смольянинов предпринял всего одну публикацию документов куракинского архива — в издаваемом графом С. Д. Шереметевым сборнике «Старина и новизна» 10, куда, по-видимому, он включил небольшую выборку из материалов, предполагавшихся для третьего тома XVIII века.

Всего князь Федор Алексеевич на издание десяти томов Архива и трех томов сборника на протяжении семнадцати лет (с 1888 по 1904 год) истратил 49 766 рублей Стоит сказать, что издание фамильных бумаг помогло князю Ф. А. Куракину не только вернуть к себе уважение, но и сохранить архив, причем даже возвратив туда документы, оказавшиеся к концу XIX века в чужих руках. Так, князь купил бумаги, хранившиеся у барона Π . М. Сердобина, в императорском Археологическом институте, да и у самого М. И. Семевского, приобретенные им в годы работы над куракинским архивом. В этой связи очень интересно письмо В. Н. Смольянинова к князь 12 :

«Высокочтимый князь

Федор Алексеевич!

Надеясь, что вы еще не уехали в Петербург, спешу сообщить Вам нечто, очень важное для Вашего архива и, полагаю, удобоисполнимое. Повидайте в Петербурге барона Павла Михайловича Сердобина, поручика Саперного баталиона, сына Михаила Александровича, владельца села Александрова Псковской губернии Островского уезда (адрес его можно узнать в адресном столе) и убедите его в интересах науки передать все куракинские бумаги в архив села Надеждина. У М. И. Семевского также, по его собственным словам, целый шкап с куракинскими томами: попросите их уступить в Ваш архив, теперь, я знаю, он исполнит эту просьбу.

В Археологическом институте также до 150 томов из Вашего фамильного архива: побывайте там вместе с Семевским и похлопочите, нельзя ли и их передать в Надеждино. Вы в настоящую минуту почетный член сего высокого учреждения, и Ваш голос там не может остаться втуне. Главное, поменьше вашей аристократической деликатности и

побольше настойчивости!! Ведь для России Ваш архив — сокровище, более ценное, чем весь Сердобский уезд, взятый вместе.

Преданный Вам и Вашим интересам

Historiografo furioso

Вл. Смольянинов

Саратов, II/19. 91».

Здесь интересно рассказать о путешествиях куракинских бумаг. Что касается описанных в этом письме, то князь в конце концов получил часть архива из Археологического института и от барона П. М. Сердобина. Что же касается бумаг, которые хранились у М. И. Семевского, полученные им от барона Михаила Николаевича Сердобина, их путь был сложнее.

После смерти в 1892 году Михаила Ивановича Семевского хранившиеся у него бумаги куракинского архива (и надеждинские, которые он просматривал, да и его собственные) были отправлены в Надеждино. Но только за исключением полутора десятков томов, которые не попали к князю Куракину: в 1896 году они появились в Москве в антикварной торговле.

Историк С. А. Панчулидзев писал 19 июля 1896 года к князю Ф. А. Куракину, что «какой-то букинист» принес коллекционеру П. И. Щукину несколько томов куракинского архива¹³, а 28 августа сообщил что «в книжной лавке Семенова (Мясницкая, против Почтамта, дом Худож. об-ва) продается 11 томов из Вашего архива в общей сложности за 104 рубля». ¹⁴ Действительно, эти рукописи были куплены Петром Ивановичем и уже в Историческом музее были присоединены к куракинскому архиву¹⁵.

Постепенно князь Федор Алексеевич старел, и княгиня понимала, что в случае его смерти Надеждино с сорока тысячами десятин прекрасных земель может стать предметом спора с сестрой князя Е. А. Нарышкиной. Тогда, запутивая князя революцией, супруга уговорила его продать Надеждино целиком тамбовскому суконному магнату Михаилу Васильевичу Асееву (впоследствии эмигрировавшему и бывшему советником президента США Д. Эйзенхауэра по вопросам

суконной промышленности), что и произошло в 1904 году. Асеев, в свою очередь, перепродал имение в несколько рук.

При продаже почти все богатейшее внутренне убранство дворца было перевезено в Москву, в дом у Красных ворот, много досталось при этом трем дочерям, жившим отдельно. Куракинский архив был помещен там же. Он включал в себя (кроме некоторого количества россыпи) 1375 объемистых томов, заключающих в себе 380 000 страниц текста, или более 150 000 документов. Вместе с архивом для его хранения в Москву переехал В. Н. Смольянинов, занявший место директора московской Десятой гимназии. С 1902 года уже речь шла не столько об издании документов архива, сколько о детальном его описании и издании архивных описей. С этой целью с 1904 года составлялась подробная картотека, состоявшая из двух разделов — регsonalia и хронологического. В 1908 году она составляла уже 30 900 карточек, а к лету 1910 года — 53 866 карточек (23 666 алфавитных и 30 200 хронологических), составленных по 173 томам княжеского архива.

Великолепное Надеждино оказалось покинутым, но революция 1905 года пощадила его. Интересны воспоминания видевших его с разницей в два года В. А. Мамуровского и А. А. Гоздаво-Голомбиевского.

Исследователь усадеб Мамуровский вспоминал: «Когда мы посетили дворец в 1908 году, он представлял собою картину полного запустения. — Анфилада парадных зал, бесконечное количество обыкновенных комнат — все это, пустое и заброшенное, производило гнетущее впечатление. Оставались на местах только, забытые своими владельцами, библиотека и домовая церковь. Большая библиотека, расположенная (в шкафах) по стенам в 3-х этажах по винтообразной лестнице, громадный глобус внизу и старинные фолианты в кожаных с позолотой переплетах производили сильное впечатление» 16.

А историк А. А. Гоздаво-Голомбиевский, посетивший Надеждино в июле 1910 года, писал: «Как только отперты были двери, сразу пахнуло плесенью, сыростью и холодом, почувствовался особый запах склада со старыми книгами, гниющей бумаги и затхлости старого хлама <...> Взойдя в средний этаж, в первой комнате мы увидали

шкафы с книгами, две-три статуэтки, бюстик Π авла I, несколько поломанных вещиц и модель дома на столе; во второй комнате, совершенно пустой, стояла только модель всей усадьбы и шкафы с нотами...» ¹⁷.

Странно, что куракинские книги были оставлены, по крайней мере, еще в 1899 году Смольянинов писал: «Любовь к чтению является отличительною чертою всех князей Куракиных, и превосходная библиотека села Надеждина в Сердобском уезде Саратовской губернии, составленная несколькими поколениями и доселе пополняемая нынешним владельцем ее, князем Федором Алексеевичем Куракиным, служит лучшим тому доказательством» 18.

Издатель и владелец архива князь Федор Алексеевич Куракин скончался в Москве 19 января 1914 года. Ему посчастливилось не увидеть революции и разграбления его московского дома. Княгиня София Владимировна прожила после революции лет шесть. Жила она после смерти князя в большом доходном доме на набережной храма Христа Спасителя, купленном князем в 1905 году, и занимала в нем весь бельэтаж, который был убран надеждинской обстановкой. Она сразу после смерти князя начала распродавать вещи и ценности, и умерла, не зная нужды и горя.

Архив в числе более 1400 переплетенных томов (часть постепенно формировалась из россыпи) переехал в 1920 году с согласия княгини в Исторический музей, правда, позже София Владимировна забрала из музея несколько памятных ей документов, которые, видимо, отнесла антикварам. Годы спустя к тому же фонду оказались присоединены документы вотчинных правлений Куракиных, представляющие уже меньший интерес, а также немногочисленные касающиеся князей Куракиных документы из фондов И. Е. Забелина и Е. В. Барсова, и рукописи из библиотеки МГУ.

Что касается картотеки, то Татьяна Алексеевна Бакунина в своей книге про куракинское хозяйство в Надеждине 19 сообщает, что она также была перевезена в Музей, где описанием всего архива занялась К. Д. Смирнова. Первая опись документов, получившая название Старой, была составлена уже около 1922 года, а в 1940 году была закончена «Новая», включающая документы вотчинных правлений и дела,

не описанные ко времени составления первой описи. Также имеется третья дополнительная опись. Картотека считается утраченной, возможно она была сочтена ненужной при одном из переездов фондов ОПИ.

Стоит сказать, что продажа Надеждина в результате спасла весь архив, который иначе разделил бы судьбу княжеской библиотеки: она была сперва брошена, а затем большей частью сожжена и расхищена в годы революции, так и не дождавшись описания²⁰. Только около тысячи уцелевших томов поступили в библиотеку Саратовского пединститута²¹.

Таким образом, куракинский архив, хранившийся в Надеждино, затем у Красных ворот, после — в главном здании Исторического музея, с 1988 года сохраняется на острове в Измайлово. Изучен он неудовлетворительно. Существует только карточная опись с указаниями заглавий дел. Всякий справочный аппарат отсутствует. Абсолютное большинство прочитанных нами нескольких сотен весьма объемных дел выдавалось впервые.

Этому есть несколько причин. Основная, на первый взгляд, даже не вполне очевидна: это существование печатного издания «Архив князя Ф. А. Куракина». Именно существование печатного издания с таким названием отталкивает исследователей от архивных поисков. Примерно так же (правда, все-таки лучшим образом) обстоит дело с архивом Воронцовых, сорок книг документов которого издал П. И. Бартенев. По этой причине имеется странное мнение, что документы Воронцовых и князей Куракиных напечатаны. А между тем, например, Бартенева в документах интересовала больше политика, нежели литература и искусство. В архиве князей Куракиных хронологически публиковались «интересные» по мнению составителей документы. А что интересно одним, как известно, может быть безразлично другим.

Так и произошло с куракинскими бумагами. После окончания хронологии опубликованной переписки князя А. Б. Куракина оказались неизвестными сорок лет его эпистолярии, к которым, таким образом, не проявлялось никакого внимания.

Собственно говоря, и мы набрели на этот неисследованный комплекс довольно случайно — в поисках документов по истории изобра-

зительного искусства. И хотя куракинский архив поразил нас скудостью искомых документов, многолетнее чтение княжеской корреспонденции подарило нам богатейший новый материал, часть которого мы решили поместить в настоящем издании.

¹ В РГАДА в документах Сената, в СП6 ФИРИ, в ОР РГБ, АВПРИ и ГАРФ. Небольшой фрагмент архива, не имеющий прямого отношения к нашему князю А. Б. Куракину, сохраняется в РГАДА (Ф. 2104, 333 е. х.).

- ² ОПИ ГИМ. Ф. З. Оп. Ст. Е.х. 800. Л. 145.
- 3 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1029. Л. 3об. Из Саратова, 3 августа 1888 года.
 - ⁴ Там же. Л. 4.
 - 5 Там же. Л. 11—11об.
 - ⁶ Там же. Л. 11об—12.
- ⁷ Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская Старина», его жизнь и деятельность 1837—1892. Спб, 1895. С. 217.
 - ⁸ Там же.
- 9 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е. х. 896. Лл. 1, 106, 3, 306. Копия рукой В. Н. Смольянинова.
- ¹⁰ Отклики прошлого. Извлечено из Архива князя Ф. А. Куракина В. Н. Смольяниновым. // Старина и новизна, исторический сборник. Кн. XIV. М. 1911. С. 1–184.
 - 11 ОПИ ГИМ. Дело фонда 3. № 18.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1029. Л. 131—131об—132. Странно написанная дата означает 19 февраля 1891 года.
 - ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е.х. 895. Л. 158.
 - ¹⁴ Там же. Л. 159.
- ¹⁵ В числе рукописей, которых князю Ф. А. Куракину также не удалось обратить в свою собственность, были куракинские бумаги, хранившиеся у сына известного коллекционера и военного Н. И. Шенига (1795—1860), женатого на Софье Николаевне, рожд. баронессе Сердобиной. Из этих бумаг С. Н. Шениг предоставил П. И. Бартеневу отпуски писем князя А. Б. Куракина к графу Н. П. Румянцеву, опубликованные в 1873 году в Русском Архиве. Ныне все бумаги С. Н. Шенига хранятся в СПб ФИРИ.
 - ¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Е. х. 366. Л. 19.
- ¹⁷ Голомбиевский А. А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных. // Старые годы. Спб, 1911. Январь. С. 22—23.

- ¹⁸ AKK, VIII. C. 453.
- 19 Bakounine T. Le Domaine des princes Kourakine dans le Gouvernement de Saratov. Paris, 1929. P. II.
- ²⁰ А это планировалось: Смольянинов, посылая 10 октября 1890 года к князю Ф. А. Куракину список с рецензии на выход описания Волочановского книжного собрания С. Д. Шереметева, писал при этом: «Подобного каталога должна дождаться и Ваша библиотека, а помещен он может быть в виде приложения к одному из томов «Архива князя Ф. А. Куракина», а также и в отдельных оттисках». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1134. Л. 80). В куракинских бумагах есть лишь небольшой список надеждинских книг, составленный не ранее 1842 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1037.—75 лл).

²¹ Вывоз даже части уцелевших куракинских книг воспрининимался тогда как удивительное спасение. Сердобская уездная газета «Голос коммуниста» в №29 за субботу 18 января 1919 года на с. 3 в статье «Задачи отделов искусств в провинции» писала: «Ценнейшие библиотеки дворянских имений разобраны по рукам, редкие издания употребляются на цигарки или на покрышки для горшков. <...> Сердобский уезд получил богатое наследство: достаточно упомянуть о Куракинском дворце <...>, воздвигнутом славным зодчим екатерининской эпохи, куда в течение почти 2-х веков собирались картины, бронза, хрусталь — где теперь все это? (Библиотека заботами начальника военных заготовок 1-й армии — вывезена)».

Рассеянные книги надеждинской библиотеки теперь трудно даже определить, поскольку Государственный Книжный фонд туда не добрался, а своего экслибриса они не имели. Единственным куракинским знаком, некоторое количество книг с которым явно присутствовали в Надеждине, был гербовый суперэкслибрис дочери князя Алексея Борисовича княжны Елены Алексевны Куракиной, в замужестве графини Зотовой (1784—1869). Описание см.: Дружинин П. А. Русский геральдический суперэкслибрис. М, 2000. С. 99. Происходили эти книги из другой куракинской усадьбы — Степановское (Волосово) Зубцовского уезда Тверской губернии.

